

УДК 39:316.728(367)

«УМЫКАНИЕ» В НОВОЕ ВРЕМЯ

Н.В. Занегина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Занегина Н.В., 2021

DOI:10.46573/2409-1391-2021-3-33-39

Исследование, начало которому было положено в предыдущих статьях, позволяет предположить, что «умыкание» являлось древнейшей традицией. В ранний период своего существования «умыкание» служило внешним выражением теснейшей связи, объединяющей мужчину и женщину на крайне важном этапе их жизни. «Умыкание» претерпело ряд трансформаций и благополучно просуществовало вплоть до Нового времени. В этот исторический период оно не исчезло: среди большей части населения некоторых регионов Евразии обрело крайнюю популярность, т.е. характеризовалось невиданным ранее масштабом распространения. Данная работа, представляющая собой последнее исследование в серии статей, посвященных традиции «умыкания», призвано объяснить произошедшие за столетия значительные перемены в свадебных обычаях широких слоев населения.

Ключевые слова: брак, семья, обычай, способы заключения брака.

Прекрасно известно, что в Новое время представители старшего поколения нередко были вынуждены терпеть своеволие молодежи при заключении брака. Пострадавшей стороной часто оказывались родители, принадлежавшие не только к состоятельным слоям общества. Браки «убегом» во второй половине XIX века были хорошо знакомы русским крестьянам [27, с. 44; 18, с. 612]. В частности, самовольные браки оказались распространенным явлением в среде крестьянства Архангельской, Олонецкой, Тверской, Нижегородской, Вологодской и ряда других губерний Российской империи [12, с. 219]. Между тем исследователи отмечают, что в Европейской части России это явление не было столь широко распространено, как в Сибири [16, с. 207–208; 19, с. 13].

Самовольное начало семейной жизни в среде русских крестьян было настолько частым явлением, что даже приобрело оригинальное название. Свадьбы, где вместо «сватовства» использовали его альтернативу – «умыкание», в крестьянской среде именовали «беглыми» [16, с. 203], или свадьбами «самокруткой» [26, с. 400; 14, с. 471; 6, с. 43–45]. Словом «самокрутка» наши предки обозначали девушку, которая стала женщиной без торжественного обряда расплетания девичьей косы, свивания двух кос и скручивания их на голове под традиционным женским головным убором. По обычаю эти действия над новобрачной проводились ответственными лицами женского пола в ходе свадебной церемонии. Пренебрежение традиционной свадьбой вынуждало молодую женщину самостоятельно реализовывать соответствующие операции.

«Самокруткой» на Руси называли и одинокую незамужнюю женщину, прижившую ребенка вне брака, т.е. подчеркивали тем самым «неполноценность» данного способа начала семейной жизни [12, с. 220; 25, с. 56–57]. Невысокий статус самовольного супружеского союза в глазах наших предков, очевидно, в немалой степени был обусловлен распространением обычая, в соответствии с которым молодая обретала приданое лишь в том случае, если ее родители примирились с произошедшим и прощали дочь. В противном случае девушка «ничего не получала, кроме того, что сама успевала взять с собой» [13, с. 186].

Все изложенное едва ли разительно отличалось от свадебных обычаев, существовавших до Нового времени. Однако в указанный исторический период традиция заключения брака эволюционировала. Источники свидетельствуют, что инициаторами бегства как способа вступления в семейную жизнь в этот период могли быть не только молодожены: к столь своеобразному началу семейной жизни молодых людей зачастую призывали... их собственные родители. Таким образом, оформился прелюбопытный свадебный обычай, который условно можно назвать «умыканием по соглашению сторон». К подобной разновидности «умыкания» родители были готовы прибегнуть в том случае, если следовало заключить брачный союз в срочном порядке, без особых церемоний. Например, потребность в такого рода вступлении в брак в Новое время возникала иногда у казахов, среди которых ранее были широко распространены традиционные «тайные посещения» женихом своей невесты. Постепенно старые обычаи изживали себя. По-видимому, под влиянием потребностей, заявлявших о себе в связи с развитием социальной и имущественной дифференциации, в казахском обществе формировалось представление о необходимости сохранения целомудрия невесты вплоть до проведения обряда, публично фиксирующего заключение брачного альянса. Новое веяние категорически противоречило устоявшимся обрядам, предшествовавшим финальному свадебному действию. Следование древней традиции по естественным причинам влекло за собой беременность невесты, а люди, подверженные стереотипам Нового времени, осуждали новобрачную, забеременевшую до официального заключения брака [24, с. 100]. В данном случае «умыкание» выступало подходящим выходом из сложной ситуации, так как позволяло, с одной стороны, удовлетворить сторонников соблюдения древних традиций, а с другой – избежать пересудов представителей общественности. Едва ли ошибочным будет предположение о том, что время от времени с подобными проблемами сталкивались представители других народов.

«Беглые свадьбы», проводимые по инициативе старших родственников, в Новое время были очень широко распространены. «Умыкание по соглашению сторон» нередко совершали и русские крестьяне [26, с. 400; 14, с. 471], и казахи [11, с. 3], о которых мы сказали выше, а также многие другие народы: татары-мишари [3, с. 80]; киргизы [9, с. 89–90]; румыны [20, с. 165]; венгры [21, с. 68]; итальянцы [10, с. 115]; албанцы [7, с. 189], греки [1, с. 210]; народы Кавказа [17, с. 127; 22, с. 83; 23, с. 55–56; 15, с. 146, 150]; хорваты; черногорцы; боснийцы; македонцы; сербы.

При этом среди некоторых групп населения, например сербов, проживающих на северо-востоке Боснии, свадьбы «по сватовству» бытовали лишь в городской среде и в наиболее зажиточных сельских семьях; основная масса сельского населения на этой территории практиковала традиционное «похищение невест». Ставшее обыденным «похищение невесты по соглашению сторон» среди славянского населения ныне самостоятельных югославских стран оказалось настолько «живучим», что благополучно просуществовало как свадебный обычай вплоть до 50–60-х годов XX века [8, с. 96–98].

Широкое распространение традиции «умыкания по соглашению сторон» наводит на мысль о том, что незапланированная беременность была хоть и значимой, но далеко не единственной причиной популярности интересующего нас обычая. Значительно чаще старшие родственники брачующихся охотно предпочитали «умыкание» празднованию бракосочетания с соблюдением всех формальностей, так как надеялись избежать значительной части свадебных расходов, например на угощение многочисленных знакомых и родственников в ходе празднества, призванного зафиксировать общественное признание брачного альянса. Обычно общество относилось к брачному союзу, ставшему следствием похищения девушки, с меньшим уважением, чем к браку, заключенному посредством традиционного договора родственников [4, с. 45, 46], а значит, и отмечать такое бракосочетание можно было значительно скромнее.

Как объяснить внезапную «прижимистость» широких масс населения в деле проведения свадьбы? Почему в Новое время родители повсеместно отказывают своим детям в традиционном праздновании их бракосочетания? Конечно, мы можем отметить скудость источников, содержащих сведения о традиционном заключении брака в более ранний период. Но вряд ли мы имеем право категорически утверждать, что отсутствие сведений о наличии большого количества чрезвычайно экономных старших родственников в предшествующие столетия объясняется исключительно неполнотой нашей информационной базы. Безусловно уважительного отношения заслуживает и предположение о связи между желанием крестьян сэкономить на проведении свадебного пира и бедственным положением, в котором оказались многие представители сословия тружеников с началом Нового времени. Однако едва ли в предшествующий период благосостояние крестьян позволяло безболезненно для семейного бюджета проводить широкое празднование важного события.

Причина популярности «умыкания по соглашению сторон», скорее всего, кроется в изменении системы взаимоотношений, которое сопровождало наступление Нового времени. Прежде всего речь идет об ослаблении внутрисоциальных связей, системы взаимопомощи и взаимоподдержки. Источники содержат сведения о системе взаимоотношений, на основе которой осуществлялось взаимодействие членов одного социума – общины или села. Традиционные взгляды предполагали ответственность каждого за благополучие тех, кто живет рядом. Родственники, соседи, знакомые обязаны были принять участие не только в праздновании торжественного события жизни их ближнего, но и в организации и даже в финансировании торжества. При этом последним дело не ограничивалось. Близкие люди должны были предоставить все

необходимое для того, чтобы состоялось заключение брачного альянса. Речь идет о внесении принятых в данном социуме брачных плат: выкупа, приданого, свадебного дара. Традиционное общество воспринимало брак одного из своих членов как дело, которое касалось как группы в целом, так и отдельного ее представителя, который являлся составной частью данного социума. О господстве в прошлом подобной системы взаимоотношений свидетельствуют источники, содержащие сведения о брачных обычаях русских, шведов, норвежцев, датчан, финнов, саамов, шотландцев, валлийцев, корнуольцев, французов, испанцев, немцев, австрийцев, чехов, словаков, поляков, болгар, народов Швейцарии; славянских народов, населявших территорию бывшей Югославии; узбеков, таджиков, киргизов, казахов, тувинцев, якутов, алтайцев, ненцев, хантов, манси, селькупов, кетов, эвенков, эвен, нивхов, ительмен, ногайцев, адыгов; ряда африканских племен [5, с. 168–170].

Индивидуализация, ставшая неотъемлемой частью общественных изменений, произошедших в Новое время, нанесла сокрушительный удар по господствовавшей системе социальных взаимосвязей. Первыми ее жертвами оказались европейские народы, раньше других потерявшие как моральную, так и материальную поддержку членов социума. Затем настала очередь обитателей других регионов ощутить всю «прелесть» абсолютной свободы от каких бы то ни было обязательств по отношению к своему ближнему. Индивидуализация подразумевает, что каждый справляется со своими проблемами в одиночку, в частности самостоятельно организывает и финансирует проведение торжественных событий жизни своей семьи. Едва ли здесь есть необходимость в приведении примеров, которые показывают всю тяжесть жизненных обстоятельств, с которыми сталкивались семьи, лишенные поддержки в решении насущных проблем: траты на проведение свадебной церемонии грозили подорвать стабильность положения не слишком зажиточного семейства на долгие годы. Вместе с тем очевидно, что отсутствие надежды на помощь со стороны других членов общества закономерно снижало желание виновников торжества включать тех, кто потерял право считаться их близкими, в число приглашенных на такой разорительный праздник.

Конечно, стремление сэкономить при подходящем случае всегда было присуще самым разным представителям рода людского. Например, были готовы при случае сократить расходы на проведение свадебных торжеств некоторые представители папуасских народов [2, с. 144]. Однако в группах, склонных поддерживать традиционный образ жизни, стремление к экономии средств не было таким повсеместным и широко распространенным явлением, каким стала вынужденная скупость представителей широких масс европейской части самого большого континента Земли в Новое время. Наиболее вероятно, что именно приоритет индивидуального над коллективным, ставший знаковым отличием общественных изменений Нового времени, явился фактором, который привел к возрождению древней свадебной традиции «умыкания».

Итак, перейдем к выводам исследования, результаты которого были изложены в серии статей о свадебной традиции «умыкания» и свободе брачного выбора в прошлом, тесно связанной с этим обычаем. «Умыкание» представляется

чрезвычайно древней традицией, сформировавшейся в период, который предшествовал повсеместному распространению брака как договора общин или семейно-родственных групп новобрачных. До формирования института брака как длительного союза, прочность которого гарантировали близкие брачующихся, данный обычай мог служить своего рода «регулятором» половых отношений в обществе.

Развитие брачно-семейных отношений оказало двойное влияние на судьбу древней традиции. С одной стороны, «умыкание» превращается в ритуал, ставший частью традиционного свадебного обряда, с другой – «умыкание» становится «полулегальным» обычаем, которому досталась роль своеобразного «предохранительного клапана» на «пороховом котле» общества.

В прошлом свобода брачного выбора для молодежи была крайне ограничена (по крайней мере, на публичном уровне). Самостоятельно выбирать себе супруга, согласно общепринятым нормам, позволялось только молодым людям, старшие родственники которых не могли или не хотели должным образом исполнять свои обязанности. Однако решительным представителям молодежи, неудовлетворенным унылыми перспективами, общество предоставляло неформальную возможность попытаться исправить свое положение. Методом кардинального исправления непривлекательной ситуации выступало пресловутое «умыкание».

«Умыкание» оказывается крайне любопытным и далеко не однозначным феноменом: осуждается как противоправное деяние, но предстает вполне легитимным комплексом мероприятий, способным при удачном стечении обстоятельств стать вполне успешной заменой «сватовству», традиционно предваряющему заключение брачного альянса.

Примечательно, что в обществе с выраженным социальным и имущественным неравенством «умыкание» выступает не только как путь достижения личного и семейного счастья, но и как механизм, способный снизить уровень социальной напряженности. Брачный союз, начало которому давало «умыкание», позволял решительным и активным молодым людям обрести необходимую поддержку, которую вынуждены были оказывать своему новоиспеченному зятю родственники его супруги. Таким образом, пик популярности древней свадебной традиции был вызван развитием социального неравенства, которое в Новое время сопровождалось ослаблением родственных связей. Неспособность малоимущих семей финансировать дорогостоящий свадебный ритуал подталкивала их членов к заключению брачного альянса с помощью имитации похищения невесты, что привело в некоторых регионах к исчезновению «сватовства» как традиционной составляющей свадебного обряда. В некоторых регионах Европы среди широких масс населения был столь популярен способ заключения брачного союза с помощью мнимого похищения невесты, что даже сокрушительный удар, нанесенный «умыканию» христианством, не привел там к исчезновению древней традиции.

Библиографический список

1. Анфертьев А.Н. Греки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 206–228.
2. Бутинов Н.А. Народы Папуа Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 384 с.
3. Дементьева Т.Ю., Альмушева О.Р. Особенности брачных отношений татар в XVI–XVIII вв. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. Т. 8. № 1. С. 77–82.
4. Занегина Н.В. Возрождение «умыкания» // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2021. № 1 (24). С. 41–49.
5. Занегина Н.В. Социальное неравенство и свобода брачного выбора // Вопросы истории. 2021. № 6-1. С. 163–173.
6. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.
7. Иванова Ю.В. Албанцы // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 182–205.
8. Кашуба М.С. Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 82–134.
9. Клейнбах Р., Салимжанова Л. «Кыз ала качуу» и киргизский адат: умыкание невесты и обычное право в Кыргызстане // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 89–104.
10. Красновская Н.А. Народы Италии // Брак у народов Западной и Южной Европы // отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 107–133.
11. Ларина Е.И., Наумова О.Б. «Кража – это вечный наш обычай»: умыкание невесты у российских казахов // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 3–20.
12. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
13. Липинская В.А., Сафьянова А.В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы / под ред. К.В. Чистова, Т.А. Бернштама. Л.: Наука, 1978. С. 180–201.
14. Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русские / отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. С. 466–499.
15. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
16. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979. 350 с.
17. Першиц А.И. Похищение невест: правило или исключение? // Советская этнография. 1982. № 4. С. 121–127.
18. Полищук Н.С. Местные праздники // Русские / отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. С. 602–615.
19. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ломоносовъ, 2011. 216 с.

20. Рикман Э.А. Румыны // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 160–181.
21. Руденский Н.Е. Венгры // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 66–88.
22. Смирнова Я.С. Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа) // Советская этнография. 1977. № 5. С. 81–92.
23. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). М.: Наука, 1983. 264 с.
24. Стасевич И.В. Брак и семья у казахов в конце XIX – начале XX вв. Время и традиция // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. 2009. Вып. 2. С. 93–111.
25. Черкасова М.С. Брак и семья в Московской Руси в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 46–60.
26. Чистов К.В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян / отв. ред. К.В. Чистов. М.: Наука, 1987. С. 396–416.
27. Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.) / отв. ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1981. 270 с.

THE «ABDUCTION» IN A NEW TIME

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

«Abduction» was an ancient tradition. In the early period, «abduction» was an outward expression of the close relationship that united the man and woman. In the past, «abduction» underwent a series of transformations. «Abduction» existed until the New Time. In New Time, the «abduction» not only did not disappear, but gained immense popularity among a large part of the population of some regions of Eurasia. This article is intended to explain the spread of «abduction» among the general population in modern times. The presented work is the last study in a series of articles devoted to the tradition of «abduction».

Keywords: marriage, family, custom, the ways of marriage.

Об авторе:

Занегина Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3168-2020; e-mail: nzanegina@rambler.ru

Author information:

Zanegina Natalia Vitalievna – PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Scientific Disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation of Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3168-2020; e-mail: nzanegina@rambler.ru